

УДК 398.2+821.512

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-1-127-139

Передача прямой речи персонажей в якутском героическом эпосе олонхо

А. А. Кузьмина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

г. Якутск, Россия

✉ aitasakha@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение способов введения прямой речи персонажей якутского героического эпоса позволило бы выявить характерные формулы, репрезентативность стиля, особенности локальных традиций, устойчивость или изменения во времени, оригинальность текстологических приемов при фиксации олонхо и др., что важно для понимания своеобразия поэтики фольклорного текста. Цель работы – выявить особенности передачи прямой речи персонажей в олонхо. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: определение прямой речи как элемента повествования олонхо; изучение структуры и лексических особенностей введения прямой речи персонажей в олонхо; персонажная характеристика в формульных конструкциях, предваряющих прямую речь. Были использованы структурный, лексический анализы, сравнительно-сопоставительный метод, системный анализ поэтики якутского эпоса. Определили, что подача прямой речи имеет свою структуру, состоящую в основном из конструкций с глаголами речи, общих мест, типических выражений, которые могут находиться перед прямой речью, внутри прямой речи и после нее. Обнаружили, что в олонхо преимущественно используются конструкции перед прямой речью и после нее. Выявили обилие эпических формул, глаголов, характеризующих речь и пение героев. Кроме того, иногда встречаются глаголы, не связанные с «говорением», и конструкции без глагола. Для диалогов персонажей олонхо Д. А. Томской из Верхоянского района характерны упрощенные повторения одного глагола речи. В некоторых случаях во время записи текста собиратели могли ввести от себя предложения, где указываются имя персонажа и его действие. Выявили, что в формульных конструкциях, предваряющих прямую речь, содержится персонажная характеристика: прежде всего это относится к богатырю абаасы, женским образам, шаманам, шаманкам, ребенку, зооморфным образам.

Ключевые слова: эпос, олонхо, прямая речь, передача прямой речи, формульность, персонажи, повествование, сюжет, текстология, поэтика.

Автор выражает благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность проведения исследований на научном оборудовании Центра по гранту № 13.ЦКП.21.0016.

Для цитирования: Кузьмина А. А. Передача прямой речи персонажей в якутском героическом эпосе олонхо. Вестник СВФУ. 2024, Т. 21, №1. С. 127–139. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-1-127-139

Transmission of direct speech of characters in the Yakut heroic epic Olonkho

A. A. Kuzmina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian
Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

✉ aitasakha@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the fact that the study of the ways of introducing direct speech of the characters in the Yakut heroic epic would allow us to identify characteristic formulas, representativeness of the style, peculiarities of local traditions, stability or changes in time, originality of textological techniques in fixing olonkho, etc., which is important for understanding the originality of the poetics of the folklore text. The aim of the work is to identify the peculiarities of the transmission of the direct speech of the characters in olonkho. To achieve this goal, the following tasks were set: to define direct speech as an element of Olonkho narrative; to study the structure and lexical features of the introduction of direct speech by characters in Olonkho; to characterise characters in formulaic constructions that precede direct speech. Structural, lexical analysis, comparative method, system analysis of Yakut epic poetics were used. It is found that the presentation of direct speech has its own structure, consisting mainly of constructions with verbs of speech, common places, typical expressions, which can be before direct speech, within direct speech and after direct speech. The Olonkho mainly use constructions before and after direct speech. We have discovered an abundance of epic formulae, verbs that characterise the speech and singing of the heroes. In addition, there are sometimes verbs not related to 'speaking' and constructions without a verb. The dialogues of the Olonkho characters by D.A. Tomsкая from the Verkhoyansk region are characterised by simplified repetitions of a single verb. In some cases, while recording the text, the collectors were able to introduce sentences of their own, in which the name of the character and his action are indicated. It turned out that the formulaic constructions that precede direct speech contain character descriptions: first of all, this applies to the abasy bogatyr, female images, shamans, shamanesses, a child, zoomorphic images.

Keywords: epic, olonkho, direct speech, direct speech transmission, formalism, characters, narration, plot, textual criticism, poetics.

The author is grateful to the Collective Use Centre of the Federal Research Centre "Yakutsk Science Center SB RAS" for the opportunity to conduct research on the scientific equipment of the Centre under the grant No. 13.SCF.21.0016.

For citation: Kuzmina A. A. Transmission of direct speech of characters in the Yakut heroic epic Olonkho. Vestnik of NEFU. 2024, Vol. 21, No. 1. Pp. 127–139. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-1-127-139

Введение

Прямую речь определяют как «один из способов передачи чужой речи, при котором ее лексико-синтаксические особенности полностью сохраняются, не приспособляются к авторской речи» [1, с. 198]. С помощью прямой речи, используя приемы выразительности и эмоциональности, можно показать характер, мысли героя, отношения между персонажами и т. д. Кроме того, прямая речь способствует передаче действия и событий, а также помогает развивать сюжет и поддерживать интерес читателя. Она оформляется с использованием кавычек, тире или других средств пунктуации, что позволяет читателю четко различать авторскую речь и высказывания персонажей.

В якутском эпосе прямая речь является одной из главных повествовательных особенностей. Она может встречаться в любой части художественной структуры всего повествования. Прямая речь персонажей олонхо состоит из множества устойчивых эпических формул, передается особой манерой пения почти каждого действующего лица. Исследователи обращают внимание только на собственно прямую речь, а способы ее введения остаются вне поля их зрения. Между тем передача прямой речи персонажей эпоса также играет большую роль в характеристике образов, определении ареальных, текстологических особенностей, установлении влияния книжных (письменных) традиций и т. д.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение способов введения прямой речи персонажей якутского героического эпоса позволило бы выявить характерные формулы, репрезентативность стиля, особенности локальных традиций, устойчивость или изменения во времени, оригинальность текстологических приемов при фиксации олонхо и др., что важно для понимания своеобразия поэтики фольклорного текста.

Цель работы – исследовать особенности передачи прямой речи персонажей в олонхо. Новизна работы состоит в том, что передача прямой речи персонажей якутского героического эпоса еще не становилась объектом научного исследования.

В качестве материала исследования использовались тексты олонхо различных эпических традиций: «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева [2], «Эрбэxтэй Мэргэн» А. Б. Алексеева из Вилюйского района [3], «Тамаллаайы Бэргэн» И. Д. Оконешикова из Чурапчинского района [4], «Богатырь Хаан Илбистээн» Д. А. Томской из Верхоянского района [5]. Кроме того, в качестве сопоставительного материала было взято авторское произведение на основе олонхо «Богатырь Эрбэсин» К. П. Харлампьевой из Вилюйского района [6].

Методологическую ценность представляют труды Н. Ю. Гвоздецкой [7], Е. В. Дубовой [8], Ю. А. Новикова [9] по формульным конструкциям введения речи персонажей в древнеанглийском, французском и русском эпосах. Важными являются наблюдения Н. Б. Пюрвеевой [10], Т. М. Хаджиевой [11], А. В. Кудиярова [12] в отношении прямой речи героев эпоса в родственных тюрко-монгольских эпосах. При определении особенностей прямой речи героев олонхо мы применили положения С. С. Макарова [13], А. П. Решетниковой [14].

Для достижения поставленной цели использованы структурный, лексический анализы, сравнительно-сопоставительный метод, системный анализ поэтики якутского эпоса.

Прямая речь как элемент повествования олонхо

С. С. Макаров выделяет в якутском героическом эпосе три повествовательных модуля, которые выполняют различные коммуникативные функции: «1) статичные описательные фрагменты, 2) собственно повествовательные (выражающие динамические мотивы) отрезки и 3) “цитаты” прямой речи персонажей» [13, с. 39]. Из этих трех последний пункт в большинстве случаев передается особой манерой пения каждого персонажа олонхо. Остальные части повествования сказитель исполняет речитативом, «речевым интонированием повествовательной части от имени сказителя» [14, с. 55]. Известно, что южно-сибирские тюрки весь эпос поют преимущественно в сопровождении струнного щипкового инструмента [14], а якутский эпос исполняется без музыкального сопровождения.

При анализе композиции эпоса важно обратить внимание на порядок чередования повествовательных элементов, на расстановку персонажей. Прямая речь персонажей олонхо имеет значительный удельный вес в эпическом тексте, постоянно вклиниваясь в повествование сказителя. При этом ее месторасположение в тексте не имеет строгой предопределенности. В карачаево-балкарской «Нартиаде» некоторые сказания («Ачемез, сын Ачя», «Ёрюзмек и Ногайчык» и др.) почти полностью состоят из прямой речи [11], а в якутском эпосе такого явления не встречается.

Многие эпосоведы отмечают, что прямая речь персонажей служит дальнейшему развитию, драматизации сюжета, сопутствует поворотным моментам, переходам действия [7, 8, 11]. С помощью прямой речи осуществляется завязка сюжета, описывается встреча

героя с новым персонажем, приводятся ритуальные высказывания перед боем, после битвы, в обстановке пира и т. д. А. П. Решетникова выявила около сорока сюжетных мотивов, содержащих песенные высказывания персонажей от первого лица, и пришла к выводу, что «та или иная сюжетная ситуация в якутском эпосе решается при помощи поведенческих стереотипов, песни вводятся в действие мотивированно – в форме дублирования определенных жанров» [14, с. 55]. Прямая речь также играет большую роль в передаче времени в эпосе, в особенности в эпической ретардации, когда действие замедляется, затягивается, за счет чего выделяются эмоционально насыщенные сцены, герой показывается крупным планом [8].

Историческая поэтика фольклорного текста предполагает более позднее включение пропеваемой прямой речи героев в повествование [13]. Но следует понимать, что так называемое «более позднее включение» происходило в архаическом фольклоре, когда были сильны мифопоэтические традиции. Это время характеризуется исследователями как период, когда «слово – это всегда звучащее слово, “голос”, за которым стоит определенное “лицо” со своими намерениями и ожиданиями» [15, с. 50]. Пение героев эпоса отличается от обыденной речи, обладает сакральным смыслом, «осмысливается как акт, произведенный в значимое праисторическое время, определивший актуальное положение вещей в окружающей действительности» [13, с. 121–122]. В олонхо речь героев нередко передается в виде ритуальных высказываний, в частности благопожелания *алгыс*, проклятия *кырыыс*, клятвы *андабар*, воинских реплик и т. д.

Функция прямой речи связана с характеристикой персонажей. Выбор слов, структуры речи и интонации позволяет автору создать неповторимый стиль речи для каждого персонажа. Через диалоги, монологи и реплики можно представить отношения между персонажами, их социальный статус, взаимодействие с окружающим миром. Кроме того, речь персонажей может быть использована для раскрытия тематических аспектов произведения, включая обсуждение этических дилемм, моральных ценностей и общественных норм.

Прямая речь позволяет передать эмоциональную составляющую персонажей, делая их более живыми и реалистичными. Выразительность речи, интонации, использование восклицаний, вопросов и метафор позволяют передать эмоциональное состояние персонажа, отражая его радости, горести, страхи и радости. Можно отметить, что прямая речь персонажей олонхо показывает ролевую этикетность, содержит характерные восклицания междометного типа в начале монолога [13].

По наблюдениям А. П. Решетниковой, герои олонхо поют разными стилями интонирования: высокий стиль *джиэрэтии ырыа* характерен для представителей племени людей *айы аймага*, имитация *кутуруу* – для противников-*абаасы*, *дэгэрэнг ырыа* – для комических персонажей (мальчик-посыльный Сорук Боллур, старуха-скотница Симэхсин) [14]. Довольно ярко показаны гендерные различия в манере пения: женские образы всегда поются «по-женски».

В якутском эпосе представлены различные виды репрезентации чужой речи. В отечественной лингвистике популярна классификация И. Р. Гальперина, который выделил речь автора (повествование, описание, рассуждение) и чужую речь (диалог, цитация, несобственно-прямая речь) [16]. Для зарубежной лингвистики характерно более дробное членение типов чужой речи: нарративный отчет о речевом акте, косвенная речь, несобственно-прямая речь, прямая речь, свободная прямая речь [17]. В якутском героическом эпосе в большинстве случаев чужая речь передается прямой речью персонажей, нежели несобственно-прямой речью, косвенная речь практически не встречается; в редких случаях можно обнаружить свободную прямую речь.

Однако в некоторых случаях герой не получает ответа, особенно когда он обращается к божествам, которые, как правило, дистанцируются от контактов с людьми. Внутренняя речь персонажей олонхо маркируется такими словами, как *санаабыта* (подумал), *эгэлгэлээн санаабыта* (по-разному подумал) [2], *толкуйдана дуумайдаан турбут*

(стоял, размышляя и думая) [2], *толкуйдуу испитэ* (размышлял продолжительно) [2] и др. Такая речь обычно бывает короткой и не поется.

Структура и лексические особенности введения прямой речи персонажей в олонхо

В тексте прямая речь вводится специальными авторскими словами, конструкцией с глаголом речи (*говорить, сказать, спросить*) или с глаголом, обозначающим действие, сопровождающее речь (*удивиться, рассердиться, усмехнуться*). Такая подача речи может занимать разное место: перед прямой речью, внутри прямой речи и после нее [1]. В якутском эпосе преобладает конструкция перед прямой речью и после нее:

Онуохаа айыы киһитэ

Манньык диэн

Ырыалаах буола сыппыт эбит.

Тамаллаай[ы] Бэргэй ыллыыр:

<...>, – диирин кытары...

[4, с. 143–144].

Тогда человек племени *айыы*

Вот такую

Песню пел лежа.

Тамаллаайы Бэргэн поет:

<...>, – как только он сказал...

[здесь и далее перевод наш. – А. К.].

Конструкция перед прямой речью также довольно часто встречается: «*Ону көрөн баран / Кыыртай Бөбө этэр*» [2, с. 159] – «Увидев это, Кыыртай Бёгё (Силач) говорит». Из рассмотренных текстов ее особенно много в олонхо «Тамаллаайы Бэргэн» И. Д. Оконешникова.

Редко можно обнаружить сложную конструкцию, которая встречается перед прямой речью, внутри прямой речи и после нее: «*Онно тиийэн били кыыс буоллабына илин өртүнэн үстэ төгүрүччү хааман баран, сангара-ингэрэ турар: <...>, – Дин баран хаалла. – <...>, – Дии турдаба*» [5, с. 35–36] – «Достигнув того места, та девушка, три раза прошагав вокруг с восточной стороны, стоя говорила: *<...>*, – ушла, сказав это. – *<...>*, – стояла и говорила». Такую схему использует К. П. Харлампьева, однако глаголы «говорения» (по Ю. А. Новикову) внутри прямой речи и после нее повторяются, что указывает на упрощение типовых выражений в поздних явлениях фольклорной реконструкции: «*Итиэннэ бу курдук / Манньык диэн кэпсээннээх, / Тыллаах-өстөөх буола турбута: / <...>, – диэбитэ, – / <...>, – диэбитэ*» [6, с. 98] – «Кроме того, таким образом / такой рассказ имел, / стоял и говорил (имел слово): *<...>*, – сказал. – / *<...>*, – сказал».

Прямую речь героев эпоса предваряют формульные выражения, глаголы «говорения». Исследователи выделяют специальные общие места, которые служат для введения прямой речи [8–10]. В калмыцком эпосе описаны действия и позы, отражающие обычаи: «...герой встает, чтобы сделать важное заявление, гость (или враг) входит во дворец, чтобы сделать важное заявление и т. д.» [10, с. 137–138]. В таких случаях используются так называемые «церемониальные» формулы. В древнеанглийском героическом эпосе также были стереотипные слова для обозначения торжественной и ритуальной речи [7].

Е. В. Дубовая отметила, что сигналы прямой речи во французском эпосе состоят из диктальных глаголов *dire, parler, répondre*, их контекстуальных синонимов *appeler, crier/escrrier*, перформативных глаголов *prier, commender, réclamer*, некоторых их окказиональных заменителей *pleindre, pleurer, regretter* [8]. Эти формульные конструкции близки друг другу, слабо варьируют и подкрепляются грамматико-синтаксическим параллелизмом, придавая «страстность, стройность фрагментам текста», иногда создают инверсивную постановку подлежащего на второе место [8]. Ценным является замечание о том, что конструкции-сигналы переданной речи создают эффект замедления действия, приостанавливают движение событийного времени [8].

Исследовав общие места в якутском эпосе, С. С. Макаров выделил в качестве устойчивых выражений действия, которые относятся к подаче чужой речи: *говорить; говорить дурные речи; запыхаться, не мочь сказать; разговаривать холодно, ссориться; каяться, молить о пощаде; просить* [13]. При введении прямой речи

в большинстве случаев используются различные глаголы «говорения» и пения, что показывает богатство якутского языка: *санарда*, *туойда* [2], *ыһытыы-хаһытыы турбута* [2], *албаан дьансайда*, *этэн энсэлийдэ*, *уруйдаан дуораһытта* [2], *этэр, күргүйдээн дьуруһуттэ* [2, с. 153], *этэ-тыына турбута* [2, с. 162], *ыллыыр* [4, с. 47], *кэпсиир* [2], *көрдөһө турбут*, *санара-ингэрэ турар* и др. Часто встречающийся глагол диир (говорит) может передаваться разными глагольными временами и типами: *дии олорбута* [2], *диэбитэ* [2], *диэтэбэ*, *дии турдаба*. К прилагательным, относящимся к речи, слову, добавляют вспомогательный глагол: «*Уонна кынан баран / Кэпсэллээх этэ*» [2, с. 45] – «И после этого / Имел рассказ», «*Манньык диэн / Хардалаах буолар эбит*» – «Вот такой / Ответ был» [4, с. 32].

Иногда при передаче прямой речи употребляют глаголы, которые не относятся к «говорению»: «*Сынаабырдаан ыыра сытыйда: “<...>”*» [4, с. 133] – «Зевнул, открывая рот побольше: “<...>”», «*Ол иһиттэхтэринэ: “<...>”*» [2, с. 76] – «Тогда услышали: “<...>”».

Редко встречаются конструкции перед прямой речью без глагола: «*Онуоха биһи киһибит: “<...>”*» [3, с. 34] – «Тогда наш человек: “<...>”».

Несмотря на многообразие формульных конструкций перед прямой речью героев, сказители иногда употребляли характерные для них типовые выражения. Особенно часто это встречается в тексте сказания «Тамаллаайы Бэргэн» И. Д. Оконешникова: «*Манньык диэн / Ырыалаах эбит*» [4, с. 209] – «Вот такую / Песню пел (имел)».

В олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» Б. А. Алексеева часто используется постоянная формула-этикет «*Өс кэпси олорбута*», «предупреждающий о том, что богатырь имеет сообщить важную весть» [18, с. 471–472]. Однако здесь это типовое словосочетание дается и тогда, когда не сообщают важную весть. В якутском языке лексема *өс* (слово) обычно употребляется в составе парного слова *тыл-өс* (речь как показатель сознания, молва). А в языке олонхо обнаруживается редкое одиночное использование данного слова.

Речь героев олонхо обычно имеет довольно большой объем, а короткие реплики и диалоги встречаются редко. В таких случаях введение в прямую речь персонажа дается максимально упрощенно: 1) «*Обонньордоох эмээхсин / Бэйэлэрин икки ардыларыгар / Кэпсэтэ олорбут эбиттэр. / Обонньор этэр эбит*» [4, с. 32] – «Старик со старухой / Между собой / Разговаривали, оказывается. / Старик говорит»; 2) «*Онуохаа эмээхсин / Манньык диэн / Хардалаах буолар эбит*» [4, с. 32] – «Тогда старуха / Так / Ответила»; 3) «*Эмээхсин инньэ диэбитигэр / Обонньор: / <...>, – диэт...*» [4, с. 33] – «Когда старуха сказала об этом / Старик: <...>, – сказав...»; 4) «*Онуохаа эмээхсин: / <...>, – диэт...*» [4, с. 33] – «Тогда старуха: / <...>, – сказав...». Следует отметить, что такие короткие диалоги происходят между родителями богатыря или его невесты. А в олонхо Д. А. Томской, которое имеет в основном прозаическую форму, диалог между персонажами представлен в кратком виде, при этом употребляется каждый раз глагол *диир* (говорит) [5].

Следует учитывать текстологические особенности записи олонхо. Так, в тексте олонхо «Тамаллаайы Бэргэн» И. Д. Оконешникова после вводной конструкции прямой речи обязательно идет предложение, в котором указываются имя персонажа и его действие («поет»), что, видимо, является включением самого фиксатора, а не сказителя: «*Таас Суорун бухатыыр / Манньык диэн / Ырыалаах буола олорбут эбит. / Таас Суорун ыллыыр*» [4, с. 151] – «Богатырь Таас (Каменный) Суорун / Вот такую / Песню пел. / Таас Суорун поет».

Персонажная характеристика в формульных конструкциях, предваряющих прямую речь

В эпосе монголоязычных народов, кроме архаичной западнобурятской традиции, репрезентативность стиля при подаче речи персонажей выступает особым средством воплощения иерархии действующих лиц. Это отражается в калмыцком эпосе, когда лексика, сопровождающая высказывание главного героя, отличается высоким стилевым регистром. Такая традиция выделения отдельных лиц средствами речевого этикета появилась впоследствии в памятнике монголоязычной письменности XIII в. («Тайная

история»). По А. В. Кудиярову, в эпосе сибирских тюрков репрезентативность стиля применительно к эпическим персонажам «высокой» иерархии не свойственна [12, с. 291–292].

Тем не менее в якутском эпосе особо выделяется введение прямой речи богатыря *абаасы*, женщин, шамана, шаманки, ребенка, зооморфных образов (коня, быка). Речь антагонистов и их манера пения в стиле имитации *кутуруу* резко отличаются от всех персонажей и вызывают интерес слушателей / читателей. Формульные конструкции введения прямой речи богатыря *абаасы* характеризуют его страшный внешний вид (губы, зубы, лицо), голос, дыхание (одышка). Так, в олонхо «Богатырь Тонг Саар» вилюйского сказителя С. Н. Каратаева приведено следующее описание этого действия:

*Өлбүтэ үс ый буолбут
Сылгы тынгатын
Ыаҕаска хаалаан
Сытытан баран
Бу сассыарда таһааран
Ыпсарыта туппут курдук
Дьэс бэргэ сымаһаба
Салыбыры турта* [2, с. 61].

Медная нижняя губа
Дрожала,
Как будто вплотную держа,
Вытащив этим утром,
Легкие лошади,
Умершей три месяца назад,
Подвергнувшиеся гниению
В берестяном ведре.

Здесь описана нижняя губа чудовища, которую уподобили прогнившим легким умершей лошади, что красочно показывает ужасную внешность, вызывающую отвращение у слушателя.

Если многие сказители часто используют одни и те же формульные выражения для определенного персонажа, то С. Н. Каратаев предпочитает многообразие вариантов, каждый раз обращая внимание на какую-то отдельную часть тела богатыря *абаасы*. В этом проявляется сказительский талант, богатство поэтического языка, эстетический вкус олонхосута.

*Ол кынан баран
Нуучча киһи суоха хоруурун курдук,
Саха киһи саастык хоруурун курдук
Таллан таас арбыһа тиһэ баҕайы,
Үс түүннээх күнү мэлдьи
Улуу ардах ардаан баран
Былыта быстан,
Халлаана арыллан
Ырдьаннаан эрэрин курдук
Аҕыс ардьамаан-дьардьамаан
Тиһэ баҕайы
Ардьанны сыппыта,
Сыыр быстыбытын курдук
Сыллабар уоһа баҕайы
Ырдьанны сыппыта:
<...>, – диэн
Этэн баран...* [2, с. 155–156].

После этого
Крупные каменные зубы в виде
инструмента для долбления,
Как коса-соха русского человека,
Как коса *саастык* якутского человека,
Восемь крупных и редких зубов
Обнажились, ехидно смеясь,
Как будто три дня и ночи
Шел великий дождь,
Затем облака рассеялись,
Небо очистилось,
Пухлые губы,
Как отсеченная горка,
Смеялись, оскалив зубы:
<...>, – сказав...

В данном отрывке посредством использования развернутых эпитетов, сравнений дается описание оскала *абаасы*, его зубов и губ, когда он начал говорить. Острые, твердые как камень зубы показывают его агрессивность и кровожадность.

Можно дискутировать с А. В. Кудияровым, который указывал на отсутствие в якутском эпосе репрезентативного стиля при подаче речи персонажей. Действительно, введение прямой речи главного героя олонхо в основном представлено нейтрально, однако при раскрытии образа антагониста сказители использовали нижний регистр стиля. Богатырь

абаасы не просто говорит, а говорит или поет противно, с одышкой (*тыын быһаҕаһынан тыынан, абылас буола туран*), дрожь (*салҕалаан санаран*), нелепо смеется. В олонхо чурапчинского сказителя И. Д. Оконешникова «Тамаллаайы Бэргэн» говорится, что речь *абаасы* бесперспективная, неслаженная, некрасивая:

*Абааһы кииһтэ манньк диэн
Кэскилэ суох өттүттэн
Кэпсээннээх эбит,
Ыһсаҕайа суох өттүттэн
Ырыалаах эбит,
Тупсаҕайа суох өттүттэн
Тойуктаах эбит.
Абааһы уола
Аан Суодуйа ыллыыр [4, с. 82].*

У *абаасы* вот такой
Рассказ без будущего,
Нескладная песня,
Неизящное пение-тойук.
Сын *абаасы*
Аан Суодуя поет.

Используя аллитерацию, повторы (*суох – суох – суох, өттүттэн – өттүттэн – өттүттэн, эбит – эбит – эбит*), синтаксический параллелизм, сказитель ритмично, выразительно придает тексту интонационное единство, эпическую развернутость.

Сказители также описывают длинный язык *абаасы* (*былас ордуга, түөс аңаара тыл*) [2, с. 162], дыхание мочевым пузырем (*хабаҕын түгэҕиттэн мэңиитээн*) [2, с. 164] или низом живота (*иһин түгэҕиттэн мэңсийэн*) [4, с. 269] перед началом речи.

Эпосотворчество верхоянской сказительницы Д. А. Томской отличается от остальных тем, что ее тексты олонхо представлены и в прозаической форме. Тем не менее при введении прямой речи богатыря *абаасы* общеякутская стилистика сохраняется: «*Абааһы уола, дьээ, аттымы мииннэ түстэ, сизри сэргэннээтэ, аһаары арбаннаата, күлэн тоҕута ыстанна: <...>, – дии-дии олорор*» [5, с. 22] – «Сын *абаасы*, наконец, сел верхом (на него), пытался съесть, с растрепанным волосами собирался кушать, вдруг рассмеялся: <...>, – говорит и сидит». Труднопереводимые изобразительные глаголы *сэргэннээтэ, арбаннаата* показывают неуклюжие движения и некрасивую внешность *абаасы*.

Традиция якутских олонхосутов продолжается в современный период в виде письменных авторских произведений на основе олонхо. Так, К. П. Харлампьева придерживается опыта предшественников, что видно также из способов передачи прямой речи *абаасы*:

*Абааһыбыт уола
Сангаран ньадьаннаабыта,
Ыллаары ыманнаабыта
[6, с. 28].*

Сын *абаасы*
Говорил, выделяясь неуклюжей
походкой на согнутых в коленях ногах,
Усмехался, чтобы спеть.

Используя изобразительные глаголы *ньадьаннаабыта, ыманнаабыта*, автор показывает, с какой походкой богатырь *абаасы* говорит, как он собирается петь.

В тексте олонхо также выделяется введение прямой речи зооморфных образов, в особенности богатырского коня. Конь умеет говорить на человеческом языке, по-якутски (*Сахалы сангарар, / Кииһилии кэпсиир эбит*) [4, с. 74], фыркает (*тыбыыра*), ржет (*ингэрсийэр*), бьет копытами землю (*Сабарай талаан туйаһынан / Далбар чабычах саҕа / Буордары тангары / Табыйа-табыйа*) [3, с. 122]. В рассмотренных текстах отмечается речь богатырского коня, кроме олонхо Д. А. Томской. В олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» Б. А. Алексеева описано, как жеребенок говорит, фыркая и ржа:

*Ити кынан баран
Убаһата буолаһына
Тыныкырааччы тыбыыра-тыбыыра
Тыллаах буола сыппыта,
Лэһигирэччи ингэрсийэ-ингэрсийэ
Этиилээх буола сыппыта [3, с. 52].*

После этого
Жеребенок,
Громко фыркая,
Говорил и лежал,
Мерно ржа,
Имел слово и лежал.

Творчество А. Б. Алексеева оказало влияние на его землячку, нашу современницу К. П. Харлампьеву, у которой формула репрезентации речи жеребенка имеет много сходств с предыдущим отрывком:

<i>Убаһата буолаһына</i>	Жеребенок,
<i>Тыбыыра-тыбыыра</i>	Фыркая,
<i>Туойан доргуннута,</i>	Спел громко песнопение-тойук,
<i>Лаһыгыраччы ингэрсийэ-ингэрсийэ:</i>	Мерно ржа:
<...>, – <i>диэбитэ үһү</i> [6, с. 41–42].	<...>, – сказал, говорят.

В олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар» встречается редкий персонаж олонхо – бык в качестве представителя племени *айыы аймага*. Если в других эпических текстах бык выполняет функцию ездового животного богатыря *абаасы* и не умеет говорить [19], то в данном случае он может общаться со своими близкими. Мы выявили четыре случая прямой речи быка, и каждый раз формульные конструкции, предвещающие ее, варьируются, но при этом сохраняются опорные слова *мөнүрүүр* (издавать громкий протяжный крик, подобный «му», реветь), *айаатыыр* (гулко, протяжно реветь):

<i>Күтүрдүк мөнүрүүр,</i>	Громко помычал,
<i>Алыс айаатыыр,</i>	Очень сильно протяжно поревел,
<i>Эмээхсин ону истэр:</i>	Старуха слышит это:
<...>, – <i>диэн</i>	<...>, – стоял,
<i>Мөнүрүччи мөнүрүү турта</i>	Громко протяжно крича «му».
[2, с. 138–139].	

В данном тексте также имеется образ щенка, который лает (*ардырбыыр*), рычит (*ырдыгыныыр*): «*Ардыргыы ырдыгыныы турбута: <...>, – диэбитэ*» [2, с. 116] – «Стоял, лая и рыча: <...>, – сказал».

Олонхосуты (практически все мужчины) при исполнении пения девушки меняют свой голос, подражая женскому. Женские персонажи обычно выступают как жертвы богатыря *абаасы* и часто плачут, и это отражается при передаче их прямой речи:

<i>Дьахтар барахсан</i>	Был слышен плач
<i>Ытыыр саһата</i>	Бедной женщины,
<i>Кыараҕас иһиккэ</i>	Как будто трещала мошка,
<i>Кырдаайыны хаайбыт курдук</i>	Заточенная в узкой посуде:
<i>Сырдьыгынаан иһилибитэ:</i>	<...>, – есть такая речь.
<...>, – <i>диир саһа баар</i> [2, с. 68–70].	

Когда плачет пожилая мать девушки или богатыря, употребляют слово *энэлгэн* (протяжный стон, крик, стенания от большого горя), чтобы показать ее боль и страдание, и в то же время учитывается соотношение звуков: «*Эмээхсин / Энэлгэн былааһыгынан ыллыыр*» [4, с. 66] – «Старуха / Поет сквозь стенания». Плач ребенка также отличается от остальных: «*Оҕо барахсан эймэннии-эймэннии / Ытаан сыгынаабыта*» [2, с. 113] – «Бедный ребенок, слегка дрожа, / Плакал, сопя».

Сказители также изображают, как радуется спасенная женщина, акцентируя внимание на ее красоте и улыбке:

<i>Манньк үчүгэй</i>	Такая красивая женщина,
<i>Кэрэ дьүһүннээх дьахтар</i>	Тонко мигая глазами,
<i>Чарааһынан чапчылыйан,</i>	Сладко улыбаясь,
<i>Минньигэстик мичингнээн,</i>	Двигая бровями,
<i>Харах-хаас хамнатан,</i>	Нарядившись,
<i>Уос-тиис оҕостон туран,</i>	Так спела.
<i>Манньк диэн</i>	Нуоралджын Куо поет.
<i>Ырыала[a]х эбит.</i>	
<i>Нуоралдьын Куо ыллыыр</i> [4, с. 260].	

Кроме того, встречаются и нейтральные, упрощенные высказывания перед прямой речью женщины. При этом сказитель отмечает пол и имя героини:

<i>Дьахтар киһи</i>	Женщина шла и так пела.
<i>Манньк диэн</i>	Бэрбээкэйдээн Куо поет.
<i>Ырыалаах буола испит эбит.</i>	
<i>Бэрбээкэйдээн Куо ыллыыр</i>	
[4, с. 171].	

Образ шамана, свойственный вилюйской эпической традиции, из рассмотренных текстов обнаружен только в олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева. Речь шамана предваряется звукоподражательными словами, характерными для камлания, передающими звучание бубна:

<i>Дьэ, добоор, бөр-бөр</i>	Ну вот,
<i>Дүнгүр тыаһа тыаһыыр,</i>	Шумит бубен «бёр-бёр»,
<i>Абыр-табыр</i>	Изредка слышно
<i>Алгыс иһилибитэ,</i>	Благословение,
<i>Одун-додун</i>	Местами слышно
<i>Тойук иһилибитэ,</i>	Песнопение-тойук,
<i>Билбэтэбин билэн</i>	Стал слышать внимательно,
<i>Бэркэ иһилээбитэ,</i>	Узнав новое,
<i>Саманньк саҥа баар,</i>	Есть такая речь,
<i>Бай-бай диир,</i>	Говорит «бай-бай»,
<i>Дор-дор диир,</i>	Говорит «дор-дор»,
<i>Ону-ону диир</i> [2, с. 50–51].	Говорит то-сё.

Для шаманских песнопений характерны слова, которые имеют отношение к ритуальным действиям: *алгыс* (благословение), *кутур* (напевать по-шамански, голосить истерически), *эҥсэлий* (причитать) [2, с. 104], *уруйдаа* (прославлять) [2, с. 52].

Образ шаманки (*удабан*) встречается повсеместно. При этом выделяется сольное и коллективное пение шаманок, что указывается в предваряющей речь формульной конструкции. Если шаманки поют в облике стерха, то это тоже отмечают:

<i>Абыс халлаан</i>	Восемь шаманок-айы
<i>Айыы намыһын у[д]абааттара ахсыан</i>	Из восьми небес
<i>Кыталык кыыл буолан киирэннэр,</i>	Прилетели,
<i>Кыйа көтө сылдьаннар,</i>	Превратившись в стерхов,
<i>Ахсыан биир куолаһынан</i>	Летая около него,
<i>Тыл этэ,</i>	Все хором одним голосом
<i>Саҥа саҥара сырыттылар.</i>	Сказали слово,
<i>Айыы намыһын удабааттар</i>	Говорили речь.
[4, с. 247].	Шаманки айыы.

Манеры пения и танца шаманки *абаасы* отличаются от шаманок из Верхнего мира, о чем олонхосут непременно упоминает:

*Маннык диэн
Удабан эмээхин
Кутура-хоһуйа,
Эккири-битийэ турда.
Тобук Солуоннай удабан кутураар*
[4, с. 163].

Вот о чем
Старуха-шаманка
Напевала истерично,
образно изображая,
Скакала, прыгая на одном месте,
Плясала, громко топая ногами.
Шаманка Тобук Солуоннай
напевает по-шамански.

Таким образом, формульные конструкции перед прямой речью персонажей характеризуют их, описывают свойственные им движения, мимику и др.

Заключение

Итак, прямая речь персонажей в якутском героическом эпосе является одним из важных элементов повествования. Она занимает значительное место в эпическом тексте, имеет свои функции в сюжете, такие как замедление действия, выделение героя, раскрытие характеров и взаимоотношений персонажей олонхо, передает их эмоциональное состояние, что позволяет создать живую картину происходящего в эпосе. В якутском эпосе прямая речь героев поется особой манерой пения без инструментального сопровождения. Следует отметить, что речь в олонхо имеет сакральное значение, выполняет ритуальную функцию. Преобладает адресованная речь, происходит диалог между персонажами.

Подача прямой речи имеет свою структуру, состоящую в основном из конструкций с глаголами речи, общих мест, типических выражений, которые могут находиться перед прямой речью, внутри прямой речи и после нее. Обнаружили, что в олонхо преимущественно используют конструкцию перед прямой речью и после нее. Выявили обилие эпических формул, глаголов, характеризующих речь и пение героев. Кроме того, иногда встречаются глаголы, не связанные с «говорением», и конструкции без глагола. Для диалогов персонажей олонхо Д. А. Томской, которое относится к северо-восточной эпической традиции, подверглось значительным жанровым изменениям и передано прозаической формой, характерны упрощенные повторения глагола *диир* (говорит). Предполагаем, что в некоторых случаях, как в олонхо «Тамаллаайы Бэргэн» И. Д. Око-нешникова, во время записи текста собиратели могли ввести от себя предложения, где указываются имя персонажа и его действие.

Выявили, что в формульных конструкциях, предворяющих прямую речь, показана персонажная характеристика, особенно это относится к богатырю *абаасы*, женским образам, шаманам, шаманкам, ребенку, зооморфным образам (коня, быка, щенка). Ярко выражено введение прямой речи богатыря *абаасы*, характеризующее его устрашающий внешний вид, противный голос, тяжелое дыхание. Для зооморфных персонажей, умеющих говорить на человеческом языке, свойственны описания действий, характерных для животного мира (лай, фырканье, мычание и т. д.). Шаманы и шаманки совершают камлание, различные ритуальные действия перед песнопением. Введение прямой речи женщины представлено ее плачем, горем в случае похищения или описанием ее красоты, радости в случае освобождения от *абаасы*. Плач ребенка сопровождается в тексте указанием на всхлипывания, сопливость.

В фольклорной реконструкции олонхо К. П. Харлампьевой «Богатырь Эрбэсин» передача прямой речи персонажей имеет сходства с олонхо Б. А. Алексеева «Эрбэхтэй Мэргэн», на основе которого и было создано это произведение.

Л и т е р а т у р а

1. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / главный научный редактор Н. Д. Тамарченко]. – Москва : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
2. Каратаев, С. Н. Тонг Саар бухатыыр [Богатырь Тонг Саар : Олонхо] / С. Н. Каратаев. – Якутск : Бичик, 2004. – 237 с. (на якут. яз.).
3. Алексеев, Б. А.–Олонхоһут Барыыс. Эрбэхтэй Мэргэн : олонхо [Эрбэхтэй Меткий : олонхо] / Составитель А. А. Кузьмина ; ответственный редактор В. В. Илларионов. – Якутск : Бичик, 2017. – 152 с.
4. Оконешиников, И. Д. Тамаллаайы Бэргэн [Тамаллаайы Меткий] / Составители А. А. Дмитриева, Н. А. Дьяконова. – Якутск : Якутия, 2012. – 320 с. (на якут. яз.).
5. Томская, Д. А. Хаан Илбистээн бухатыыр. Көмүс Мөкүлүкээн оҕонньор, Элгээн Ийэхсит эмээхсин : олонхолоор [Богатырь Хаан Илбистээн; Старик Көмүс Мөкүлүкээн, старуха Элгээн Ийэхсит : олонхо] / Составители А. А. Кузьмина, А. Н. Данилова. – Якутск : Алаас, 2016. – 128 с. (на якут. яз.).
6. Харлампьева, К. П. Эрдэбэс кутуругун эрийэ туппут курдук эриллэбэс унуохтаах Эрбэһин бухатыыр : олонхонон дьһүйүү [Богатырь Эрбэһин, имеющий крученые кости как закрученный хвост пестрой самки глухаря : произведение на основе олонхо] / К. П. Харлампьева. – Якутск : Издатель В. В. Иванова, 2022. – 122 с. (на якут. яз.).
7. Гвоздецкая, Н. Ю. Формульность и лексикон ритуальной речи в древнеанглийском героическом эпосе (на материале введения прямой речи в поэме «Беовульф») / Н. Ю. Гвоздецкая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 4. – С. 168–178. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.17>.
8. Дубовая, Е. В. Формульные конструкции введения речи персонажей в системе ритмико-синтаксических повторов эпического текста / Е. В. Дубовая // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака : Сборник статей по итогам V Международной конференции : Т. 5. – Москва : Спутник+, 2020. – С. 132–135.
9. Новиков, Ю. А. Эпический мир и способы его художественного воплощения / Ю. А. Новиков. – Вильнюс : Edukologija, 2013. – 360 с.
10. Пюрвеева, Н. Б. Поэтика героического эпоса «Джангар» : дисс. ... д. филол. н. / Пюрвеева Н. Б. – Элиста, 2003. – 347 с.
11. Хаджиева, Т. М. Прямая речь в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев / Т. М. Хаджиева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 10 (4). – С. 164–168.
12. Кудияров, А. В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири / А. В. Кудияров. – Москва : ИМЛИ РАН, 2002. – 329 с.
13. Макаров, С. С. Поэтика якутских олонхо : единицы и уровни лексической стереотипии : дисс. ... к. филол. н. / Макаров С. С. – Москва, 2019. – 363 с.
14. Решетникова, А. П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте / А. П. Решетникова. – Якутск : Бичик, 2005. – 408 с.
15. Мелетинский, Е. М. Историческая поэтика фольклора : от архаики к классике / Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик. – Москва : РГГУ, 2010. – 285 с.
16. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 140 с.
17. Блинова, О. А. Несобственно-прямая речь или внутренний монолог : к проблеме разграничения / О. А. Блинова // Филологические науки : Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (44). – Ч. 1. – С. 37–40.
18. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 т. Т. V II : (Буквы Нь, О, Ө, П) / Под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2010. – 519 с.
19. Кузьмина, А. А. Трансформация образа быка в олонхо вилюйской эпической традиции / А. А. Кузьмина // Эпосоведение. – 2022. – № 3. – С. 30–39. DOI 10.25587/SVFU.2022.31.21.003.

References

1. Tamarchenko, N.D. (Chief Science Editor). (2008). *Poetics: a dictionary of current terms and concepts*. Moscow: Izdatelstvo Kulaginoi, Intrada.
2. Karataev, S.N. (2004). *Bogatyr Tong Sar: Olonkho*. Yakutsk: Bichik.
3. Alekseev, B.A. – Olonkhohut Barys. (2017). *Erbekhtei Mergen: olonkho*. Yakutsk: Bichik.
4. Okoneshnikov, I.D. (2012). *Tamalaiy Bergen*. Yakutsk: Media-holding “Yakutia”.
5. Toms kaya, D.A. (2016). *Khan Ilbisten bukhatyr. Kemius Mekiuliuken ogoner, Elgeen Ieiekhsit emekhsin: olonkholor*. Yakutsk: Alaas.
6. Kharlampyeva, K.P. (2022). *Erdegess kuturugun erie tupput kurdok erilleges unguokhtakh Erbehin bukhatyr: olongkhonon dzhisiuiuiuu*. Yakutsk.
7. Gvozdet skaya, N.Iu. (2016). Formulas and vocabulary of ritual speech In old english heroic epic (based on direct speech in the poem *beowulf*), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, series 2, Linguistics, 15(4), pp. 168–178.
8. Dubovaya, E.V. (2020). *Formula constructions for the introduction of characters' speech in the system of rhythmic-syntactic repetitions of the epic text*. Language and reality. Scientific readings at the Department of Romance Languages named after V.G. Gak: Collection of articles on the results of the V international conference. Moscow: Sputnik+, 5, pp. 132–135.
9. Novikov, Iu.A. (2013). *Epic world and ways of its artistic embodiment*. Vilnius: Edukologiya.
10. Piurveeva, N.B. (2003). Poetics of the heroic epic "Dzhangar": Dissertation of Doctor of Philological sciences. Elista, Russia.
11. Khadzhieva, T.M. (2014). Direct speech in the Nart epos of Karachays and Balkars. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (4), pp. 164–168.
12. Kudiiarov, A.V. (2002). Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongolian-speaking and Turkic-speaking peoples of Siberia. Moscow: IMLI RAN.
13. Makarov, S.S. (2019). Poetics of the Yakut olonkho: units and levels of lexical stereotypy: Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Moscow.
14. Reshetnikova, A.P. (2005). Fund of plot motives and olonkho music in an ethnographic context. Yakutsk: Bichik.
15. Meletinskiy, E.M., Nekliudov, S.Iu., Novik, E.S. (2010). *Historical Poetics of Folklore: From Archaic to Classical*. Moscow: RGGU.
16. Galperin, I.R. (1981). Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka.
17. Blinova, O.A. (2015). Free indirect speech or internal monologue: on problem of differentiation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2 (44), pp. 37–40.
18. Sleptsov, P.A. (ed.), (2010). Big explanatory dictionary of the Yakut language: in volume 15, Volume V II: (Letters N', O, Ө, P). Novosibirsk: Nauka.
19. Kuzmina, A.A. (2022). Transformation of the image of a bull in the Olonkho of the Vilyui epic tradition. *Eposovedenie*, 3, pp. 30–39.

КУЗЬМИНА Айталиа Ахметовна – к. филол. н., с. н. с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: aitasakha@mail.ru

KUZMINA Aitalina Akhmetovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.